

Красильникова Е. И. История городов Западной Сибири в репрезентациях журнала «Сибирские огни»: политические и историко-краеведческие контексты 1920—1940-х годов / Е. И. Красильникова, И. А. Вальдман // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 428—448. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-428-448.

Krasilnikova, E. I., Valdman, I. A. (2021). History of Cities in Western Siberia in Representations of Journal “Siberian Lights”: Political and Historical Contexts of 1920s — 1940s. *Nauchnyy dialog*, 7: 428-448. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-428-448. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-428-448

История городов Западной Сибири в репрезентациях журнала «Сибирские огни»: политические и историко-краеведческие контексты 1920—1940-х годов

Красильникова Екатерина Ивановна ¹

orcid.org/0000-0003-0014-0655

доктор исторических наук
ведущий научный сотрудник
katrina97@yandex.ru

Вальдман Игорь Александрович ²

orcid.org/0000-0002-3225-6444

кандидат философских наук, доцент
кафедра политических наук и технологий
veritasnostra@mail.ru

¹Тобольская комплексная научная станция
Уральского отделения
Российской академии наук
(Тобольск, Россия)

²Сибирский институт управления —
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
Президенте РФ
(Новосибирск, Россия)

Благодарности:

Работа подготовлена при финансовой
поддержке РФФИ и Новосибирской
области, проект № 19-49-540003

History of Cities in Western Siberia in Representations of Journal “Siberian Lights”: Political and Historical Contexts of 1920s — 1940s

Ekaterina I. Krasilnikova ¹

orcid.org/0000-0003-0014-0655

Doctor of Historical Sciences
Leading Researcher
katrina97@yandex.ru

Igor A. Valdman ²

orcid.org/0000-0002-3225-6444

PhD in Philosophy, Associate Professor
Department of Political Science
and Technology
veritasnostra@mail.ru

¹Tobolsk complex scientific station
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Tobolsk, Russia)

²Siberian Institute of Management —
a Branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration
(Novosibirsk, Russia)

Acknowledgments:

This work was prepared with the financial
support of the Russian Foundation for Basic
Research and the Novosibirsk Region, project
№ 19-49-540003

© Красильникова Е. И., Вальдман И. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются изменения в репрезентации истории городов Западной Сибири в журнале «Сибирские огни» в период начала 20-х до середины 40-х годов XX века. Эти изменения интерпретируются посредством анализа общих контекстов развития исторического краеведения в Сибири и деятельности различных субъектов политики памяти как местного, так и государственного уровней. Актуальность исследования обусловлена повышением интереса со стороны общества и государства к проблемам формирования исторической памяти россиян о национальном и региональном прошлом как к одной из основ социальных идентичностей. Новизна исследования видится в том, что до сих пор сибирская журнальная периодика советского времени, в частности «Сибирские огни», слабо осмыслена в качестве одного из значимых средств формирования исторической памяти общества о прошлом Западной Сибири. Характеризуется состав авторов материалов по истории западносибирских городов. Определяются этапы развития репрезентации истории западносибирских городов в публикациях журнала, отразившие различные, идеологически обусловленные оценки исторического прошлого городов Западной Сибири. Доказывается, что в годы Великой Отечественной войны авторы произведений по истории западносибирских городов синтезировали опыт как сибирских краеведов, так и их антагонистов, преследуя задачи стимуляции патриотического подъема и необходимой социальной мобилизации.

Ключевые слова:

сибирское краеведение; политика памяти; историческая память; города Западной Сибири; «Сибирские огни».

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Changes in the representation of the history of cities in Western Siberia in the journal “Siberian Lights” in the period from the beginning of the 20s to the mid 40s of the XX century are considered. These changes are interpreted by analyzing the general contexts of the development of historical local lore in Siberia and the activities of various subjects of the memory policy at both local and state levels. The relevance of the study is due to the increased interest on the part of society and the state in the problems of forming the historical memory of Russians about the national and regional past as one of the foundations of social identities. The novelty of the research is seen in the fact that until now the Siberian magazine periodicals of the Soviet era, in particular, “Siberian Lights”, are poorly understood as one of the significant means of forming the historical memory of society about the past of Western Siberia. The composition of the authors of materials on the history of Western Siberian cities is described in the article. The stages of the development of the history representation of West Siberian cities in the publications of the journal are determined, reflecting various, ideologically determined assessments of the historical past of the cities of Western Siberia. It is proved that during the Great Patriotic War, authors of works on the history of Western Siberian cities synthesized both the experience of Siberian ethnographers and their antagonists, pursuing the task of stimulating patriotic upsurge and the necessary social mobilization.

Key words:

Siberian regional studies; memory politics; historical memory; cities of Western Siberia; Siberian Lights.

История городов Западной Сибири в репрезентациях журнала «Сибирские огни»: политические и историко-краеведческие контексты 1920—1940-х годов

© Красильникова Е. И., Вальдман И. А., 2021

1. Введение

Литературно-художественный и общественно-политический журнал «Сибирские огни» (далее — «СО»), непрерывно издающийся уже почти сто лет, является интересным и информативным источником изучения не только истории региональной журналистики, художественной литературы и краеведения, но и в целом культурной и общественной жизни Сибири на длительном хронологическом отрезке. Начиная с 1920-х годов это многотиражное издание претендовало на одну из ведущих ролей в сфере политико-идеологического и культурного просвещения, которые в советское время рассматривались в неразрывной взаимосвязи. Журнал участвовал и в реализации государственной политики памяти. С самого начала «СО» работали над формированием исторической памяти своих читателей, прежде всего о прошлом нашего региона. Многочисленные публицистические и художественные произведения на исторические темы, предлагавшиеся журналом, отражали изменения, происходившие на фоне динамики в сфере политики памяти, в оценках «сибирской старины» и недавних событий в регионе. Еще в конце XIX века историю западносибирских городов начали изучать и популяризировать краеведы, многие из которых принимали участие в основании и развитии музеев в Барнауле, Омске, Тобольске и Тюмени, активно привлекавших к изучению истории местного края всех желающих. В начале XX века краеведением в Сибири, помимо музеев, занималось свыше трех сотен общественных организаций, среди которых имелось множество отделов и подотделов Императорского русского географического общества, местные отделения Сибирской парламентской группы в 3-й и 4-й Государственных думах, а также студенческие кружки Томского университета [Шиловский, 2004]. История региона изучалась до революции в разных парадигмах: консервативно — как история успешного освоения Сибири русскими под эгидой царской короны — и в контексте популярного у краеведов областного концепта «вольно-народной колонизации». А в 1920—1940-е годы журнал «СО» наглядно демонстрировал активное переосмысление истории западносибирских городов — центров общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни региона.

«СО» пропагандировали успехи социалистического строительства в Сибири по сравнению с дореволюционным периодом. А западносибирские города в прошлом и настоящем служили хорошими примерами для раскрытия подобной тематики. По нашему мнению, в изучаемый период журнал внес свою заметную лепту в формирование ряда образов сибирских городов в их историческом прошлом, ставших со временем шаблонными, до сих пор широко узнаваемыми и используемыми с разными целями в рамках различных дискурсов. Это обстоятельство подтверждает актуальность обращения к данной тематике в свете решения научных задач деконструкции исторических мифов, основанных на советских идеологических штампах, и формирования критического взгляда на прошлое региона.

Цель статьи состоит в том, чтобы проследить в динамике влияние политики памяти на создание посредством журнала «СО» образов западносибирских городов в их историческом прошлом, становившихся в 1920—1940-е годы важными источниками формирования исторической памяти читателей этого издания. В задачи исследования входит выяснение важнейших краеведческих и политических контекстов формирования соответствующих образов, а также определение этапов, отразивших разные идеологически обусловленные оценки исторического прошлого городов Западной Сибири.

Варианты репрезентации истории городов Западной Сибири в советских журнальных изданиях до сих пор специально практически не исследовались. Гораздо лучше изучены особенности включения различных фигур памяти, связанных с местной историей, в «локальные культурные пространства» [Алисов и др., 2019, с. 29—31; 38—41], в «культурные ландшафты» [Рыженко, 2019б] городов Западной Сибири, а также в музейное пространство [Рыженко, 2019а]. Эти исследования дают основания судить об общих культурных и идеологических контекстах публичной коммеморативной деятельности в Сибири на разных исторических этапах. Углубляют понимание этих контекстов также и существующие исследования динамики образов Сибири в отечественной журнальной периодике, посвященные, однако, преимущественно дореволюционному периоду [Родигина и др., 2011; Родигина, 2013]. Осмыслению условий и обстоятельства создания литературных произведений способствуют также исследования по истории литературной жизни Сибири и биографий авторов журнала [Очерки ..., 1982; Яновский, 1997].

Базовым методологическим ориентиром исследования является проблемное поле «Memory Studies», в рамках которого, в частности, разрабатываются теоретические и исторические аспекты политики памяти [Миллер, 2009; Memory ..., 2015; Radstone, 2008; Segesten, 2017; Verovšek, 2016]. Нами

политика памяти определяется как борьба основных политических акторов за осуществление политической власти над тем или иным социумом посредством поддержания в нем идеологического доминирования, которое основывается на легитимации существующего порядка путем использования репрезентаций исторического развития, призванных показать обществу преимущества существующего порядка [Красильникова и др., 2020]. В качестве специальных методов исторического анализа нами применялись историко-сравнительный и историко-генетический методы, а также использовались приемы нарративного анализа [Ярская-Смирнова, 1997].

Важнейшими источниками исследования послужили пятнадцать наиболее значимых публицистических и художественных произведений авторов «СО», напечатанных в 1920—1940-х годах. Их основной темой стала история городов Западной Сибири. Подробнее сведения о характере изучаемых произведений и их авторах см. далее (табл. 1).

Таблица 1

История городов Западной Сибири в произведениях авторов
«Сибирских огней» 1920—1940-х годов

ФИО автора, псевдоним	Род занятий, биографическая связь с западносибирскими городами	Виды публикаций	Годы публикаций	Количество публикаций
Болдырев Василий Георгиевич (Болдырев В.)	Государственный, военный деятель. В 1924—1928 годы работал в Сибирской краевой плановой комиссии в Новосибирске, а позже — в редакции «Сибирской советской энциклопедии».	очерк	1926	1
Вегман Вениамин Давидович (Вегман В.)	Известный революционер и общественно-политический деятель Сибири, архивист, историк, краевед, журналист, редактор, просветитель. Жил и работал в Томске и Новосибирске.	очерки	1925 1926 1934	1
Громов В. П.	Прозаик, журналист.	очерк	1939	1
Доронин Георгий Антонович (Доронин Г.)	Поэт, журналист, селькор. Жил и работал в Новосибирске, Сталинске. Фронтвик. Воевал в Сибирской добровольческой Сталинской стрелковой дивизии № 150.	стихи	1939	1

Окончание табл. 1

ФИО автора, псевдоним	Род занятий, биографическая связь с западносибирскими городами	Виды публикаций	Годы публикаций	Количество публикаций
Кожевников Савва Елизарович (Кожевников С.)	Писатель, очеркист, литературовед, литературный редактор. Уроженец Алтайского края. Жил и работал в Новосибирске. С 1940 по 1941 годы, а также с 1946 по 1953 годы — главный редактор журнала «СО».	очерк, литературная критика	1937 1939	2
Кондырев Лев Николаевич (Кондырев Лев)	Поэт, автор песен. Жил и работал в Новосибирске.	стихи	1945	1
Молчанов-Сибирский (Молчанов) Иван Иванович (Молчанов И.)	Поэт. Член первой писательской организации в Сибири — ИЛХО. Жил и работал в Иркутске.	стихи	1924	1
Мягков Иван Михайлович (Мягков И.)	Историк, археолог, музейный работник. Жил, учился и работал в Томске.	очерк	1926	1
Никитин Михаил Александрович (Никитин М.)	Писатель, очеркист. Окончил омский сельскохозяйственный институт. Особое место в его творчестве принадлежит промышленному развитию Кузбасса.	очерки	1927 1929	2
Попов Михаил Александрович (Попов М.)	Революционер-большевик. Сопратник С. М. Кирова. Деятель большевистского подполья в Томске. В советское время занимался профсоюзной деятельностью.	очерк	1935	1
Сайхин П.	Участник революционных событий в Сибири.	очерк	1936	1
Шемелев Владимир Иванович (Шемелев В. И.)	Архивист, историк. Участник революционных событий в Сибири.	очерк	1926	1
Югов Алексей Кузьмич (Югов Ал.)	Писатель, литературовед, переводчик, журналист, врач. Уроженец Оренбургской губернии. Учился в Новониколаевске и Томске. В 1927—1930 годах работал врачом в Кольвани.	очерк	1927	1

Составлено по: [Вениамин Вегман ..., 2010, с. 3—21; Историческая энциклопедия, т. 1, с. 233; Краткая литературная энциклопедия, 1962—1978; Малолетко и др., 1993; Новосибирск ..., 2003, с. 278, 418; Общественно-политическая ..., 2019, с. 381; Сибирские огни, 1967, с. 118, 173; Синяев, 1965].

Произведения авторов «Сибирских огней» 1920-х годов, посвященные истории западносибирских городов, необходимо рассматривать, по крайней мере, с учетом двух контекстов: традиций сибирского краеведения и государственной идеологии. Соответственно, комплекс публикаций этого десятилетия отражает столкновение двух нарративов: сформировавшегося в рамках сибирской историко-краеведческой традиции и порожденного государственной политикой памяти. Остановимся на этих контекстах подробнее.

2. Контексты традиций сибирского краеведения

Многие сибирские краеведы 1920-х годов, среди которых были музейщики, историки, писатели и журналисты, в том числе авторы интересующих нас произведений И. М. Мягков и А. К. Югов, мировоззренчески сформировались до революции в культурной атмосфере, создававшейся либерально настроенной интеллигенцией, которая боролась за рост политического равноправия сибиряков с жителями центральной России и активно занималась просветительской деятельностью в регионе. Ее представители стремились влиять на историческую память населения Сибири посредством различных коммемораций, которые представляли в публичном культурном пространстве (музеи, праздничные торжества, периодическая печать и др.), репрезентируя прошлое нашего региона как самоценное, во многом героическое и славное. Одновременно демонстрировалась «драматичная, темная, колониальная» сторона сибирской истории, которую сибирские патриоты надеялись со временем преодолеть через изменение пренебрежительного отношения государства и общества к Сибири. Ее историческая специфика раскрывалась в образах коренных народов — носителей уникальных культур, первопроходцев и казаков — героических покорителей региона, а также каторжан и ссыльных, среди которых изображались как отъявленные преступники, так и благородные борцы с социально-политическими проблемами региона, его культурной и экономической отсталостью [Красильникова и др., 2020, с. 50]. Взгляды краеведов, активно работавших в 1920-е годы, испытали влияние нескольких поколений сибирских просветителей, среди которых, согласно историографической традиции, обычно выделяют политических ссыльных, от декабристов и польских повстанцев до народников, а также сибирских областников. В трудах краеведов начала XX века и 1920-х годов все они становились героями сибирской истории.

Тема истории сибирских городов стала популярной у краеведов еще на рубеже XIX и XX веков. Города (изначально — остроги, а в дальнейшем — центры развивавшейся экономики края и распространения русской культуры) представлялись одним из наиболее очевидных результатов стремитель-

ного освоения Сибири русскими. Именно поэтому история их основания и развития долго не теряла актуальности. До революции наиболее активное развитие краеведение получило в университетском Томске. Любованием «томской стариной» и сентиментально-ностальгическим отношением к прошлому этого города были проникнуты как дореволюционные произведения местных краеведов, многие из которых разделяли идеи сибирских областников (прежде всего, работы А. В. Адрианова), так и сочинения 1920-х годов, принадлежавшие перу музейщиков, сообщество которых после революции возглавлял также областник М. Б. Шатилов. Этому же кругу принадлежал и И. М. Мягков. Соответствующими были и музейные репрезентации истории Томска. Через археологию и этнографию, церковные реликвии, картографические, архитектурные образы, человеческие истории и местные легенды эти репрезентации раскрывали прежде всего историческую уникальность томской земли [Красильникова, 2015, с. 419—427]. Музейщики боролись за признание ценности многих старинных архитектурных сооружений Томска, их сохранение и придание им статуса памятников. В памятникоохранительной деятельности музейных работников Томска проявлялись еще дореволюционные установки краеведов на сохранение следов «ускользающего» прошлого и бережного к ним отношения. В середине 1920-х годов за музейными работниками Томска следовали их коллеги из Новосибирска и Омска, ориентировавшиеся также на краеведческие тренды в городоведении — разработки лидеров этого направления, ленинградцев И. М. Гревса и Н. П. Анциферова, искавших пути к постижению «души города».

Этим историко-краеведческим контекстам отвечают статьи И. Мягкова «Предание о княже Томи и Ушае» [Мягков, 1926] и Ал. Югова «Колывань» [Югов, 1927], написанные для «СО». Оба автора подчеркивали недооценённое массами очарование сибирской старины. Рассказывая о Колывани — бывшем городе, утратившем свой статус из-за смещения торговых путей, Югов выражал позицию местного жителя, призывавшего увидеть прекрасное в сохранившейся здесь архаике и ощутить буквально физическое наслаждение от «опьянения звуком колокольчиков, запахов цветов и сена» [Там же, с. 180]. Он писал: «Да, я знаю, что хозяйственное развитие страны идет от сибирского ходока и телеги к американскому автомобилю, знаю, знаю, что это хорошо, но долго еще близка будет для поэтов романтика дикой ямщицкой езды, идущая из далекого прошлого ...» [Там же]. Югов выражал свое ощущение присутствия в Колывани духа прошлого: «Черный деревянный город, он как будто с часу на час ждет нашествия татарской орды» [Там же, с. 181], — подчеркивая, что это ощущение присуще многим колыванцам. Автор статьи сообщал, что старожилы ходят по городу, показывают купеческие места — «жернаковские» и «пастухов-

ские» (от фамилий местных богатых купцов), что до сих пор помнят обиду на строителей моста через Обь и колыванскую администрацию, которая «не дала взятку» инженерам за то, чтобы мост был сооружен в Колывани, а не там, где позже вырос Новосибирск. Подметил Югов и то, что колыванцы относятся к Новосибирску так же, как «когда-то в эпоху местничества вотчинный родовой боярин к “пересевшему” его худородному боярину», и не устают повторять, что в Новониколаевск из Колывани перетасили лучшие дома: «Николаевск-то, ведь, весь из Колывани построен» [Там же, с. 181—182]. Фактически эта статья зафиксировала бытование локальной компоненты коллективной памяти жителей Колывани, существовавшей в отрыве от официальных советских нарративов. Югов и сам хвалил старую деревянную Колывань, сравнивая ее даже с древними русскими городами: «хорошо, с запасом построена», улицы «широкие, прямые, без всяких тупиков и закоулков» [Там же, с. 181]. В заключительной части статья дополнялась формальной вставкой с рассуждениями о светлом будущем города, которому советская власть дала новый импульс к развитию.

Желание погружаться в атмосферу загадочного прошлого сибирских городов до того этапа, как началась активная колонизация региона русскими, воплотилось в статье томского музейщика И. М. Мягкова [Мягков, 1926], призвавшего собирать и исследовать устные источники (под этим понимался фольклор) по истории местных коренных народов, давших Сибири большинство топонимов. Автор пересказал записанные им еще во время гражданской войны старинные татарские предания и сопоставил приводимые в них сведения с трудами дореволюционных томских антропологов, фольклористов и этнографов, что позволило сделать вывод: «Все-таки изучение предания указывает на время заселения еуштинцами окрестностей г. Томска...; указывает предание и на причину возникновения их, на борьбу между собой двух мелких князей и дает, несомненно, материал для изучения инородческой истории» [Там же, с. 164], ценность которой Мягков призывал не игнорировать и признавать равноценной истории покорения Сибири русскими.

3. Контексты политики памяти

Однако важно понимать, что в условиях реализации советской исторической политики, обретавшей к концу 1920-х годов однозначность, традиции сибирского краеведения, отраженные в этих публикациях, были обречены на критику, а в дальнейшем и на пресечение. Уже с середины 1920-х годов советская пропаганда навязывала сибирякам иные оценки прошлого их родных городов. В противовес советскому настоящему оно всячески дискредитировалось и очернялось. Это хорошо видно на примерах поэзии. В 1924 году «СО» опубликовали стихотворение И. Молчанова «Таежный город» [Молча-

нов, 1924], в котором уже читается основа соответствующего советского нарратива. В прошлом город предстает «угрюмым», «сонным» и «тихим», но эта тишина обманчива: «Тут сгибали на каменных плитах арестантов в бараний рог», заставляя их «в цепях на коленях» «щебень бить». Однако страшные истории о бродягах с котомками ушли, по словам поэта, в прошлое, став в новом веке былью, которую можно услышать лишь от самых древних старух.

Будучи изначально трибуной выражения разных мнений относительно исторического прошлого региона, «СО» постепенно преобразались в однозначно пропагандистское советское издание. И процесс этого преобразования отразила, в частности, статья М. Никитина «Переподготовка города», также посвященная прошлому Колывани [Никитин, 1927]. Ее автор выступил оппонентом А. К. Югова. Статьи этих двух авторов публиковались в одном номере «СО». Для выражения своей позиции Никитин избрал злой, саркастический тон. Он подтвердил гордость колыванцев стариной их «бывшего города», но при этом сразу поставил риторический вопрос: «Кто сказал, что старина почетна»? [Там же, с. 185] В его версии колыванская старина ассоциировалась лишь с глупостью и отсталостью местных обывателей, бесконечной наживой торгашей, произволом городской думы и пристава. Автор заявлял: «В Колывани все бывшее, даже люди» [Там же, с. 186]. Далее следовала череда гротескных образов: кустари, ямщики, чиновники, купцы и мелкие торговцы, преобразившиеся в советское время в спекулянтов, не готовых принять перемены новой советской жизни.

В противоположность таким бесперспективным городам «СО» во второй половине 1920-х годов конструировали образ самого прогрессивного города Сибири, «годившегося в правнуки Колывани», но имевшего гораздо больший потенциал для развития. Речь шла о Новосибирске — административном центре созданного в 1925 году Сибирского края. В очерке, посвященном переименованию города Новониколаевска в Новосибирск, подготовленном для журнала передовым журналистом и активным общественно-политическим деятелем В. Д. Вегманом, выражалось отношение местных партийных и управленческих кадров не только к истории города, но и к истории Сибири в целом [Вегман, 1926]. Вегман рассказал, что выбору имени для города, «неудачно» названного до революции в честь царя Николая II, предшествовало обсуждение этого вопроса на страницах газеты «Советская Сибирь». Мнения участников дискуссии разделились. Среди них были те, кто полагал, что название должно быть модным, абстрактно-советским (Краснооктябрьск), другие считали, что оно должно связываться с политическим событием специфически сибирского содержания (Сибревком — сокращение от Сибирского революционного комитета) либо выражать идею освобождения туземцев Сибири из-под коло-

ниального гнета царизма (Ново-Искер, Курултай). Другие же разделяли возобладавшее мнение председателя Новониколаевского губисполкома А. Ремейко, который объяснял выбор нелогичного с точки зрения топонимических традиций названия «Новосибирск» следующим образом: «В Сибири действительно нет ни Старосибирска, ни Сибирска, но зато на территории нашего союза пока что имеется старая Сибирь вообще, то есть Сибирь, доставшаяся нам в наследство от царизма и капитализма. Эта старая Сибирь на наших глазах перестраивается в новую. Центр, откуда исходит строительство новой Сибири, имеет все основания присвоить имя Новосибирск» [Там же, с. 234]. Таким образом, В. Д. Вегман объяснил, что в новом названии города отразилось обобщенное и максималистское отрицание всего дореволюционного прошлого огромного региона.

Однако обретение Новосибирском статуса административного центра края требовало символического повышения статуса этого еще очень молодого города. Участие «СО» в решении этой проблемы проявилось в выборе традиционной стратегии — показать наличие у города продолжительной истории, достойной столицы. Именно этим обстоятельством можно объяснить публикацию очерка В. Болдырева [Болдырев, 1926], в котором отмечалась, прежде всего, «изумительность» темпов роста города. Болдырев развивал мысль о том, что Новосибирск, возникший изначально как крупный транспортный и торгово-распределительный центр, олицетворял «конец былой Сибири, примитивного хозяйства, Сибири Московского тракта, гужа, верблюда» [Болдырев, 1926, с. 167]. При этом уничижались соседние сибирские города, словно отжившие свой век: «Возникновение Новониколаевска явилось смертельным ударом для Колывани и Томска, игравших до того времени значительную роль крупных торговых центров средней Сибири»; «Колывань захирела и постепенно сошла на нет» [Там же]. Показательно, что после этой публикации в «СО» долгие годы не появится ни одной публикации, которая продолжала бы традиции сибирского краеведения, восходившего к дореволюционным исследованиям истории сибирских городов.

При этом прошлое других городов региона, переживавших интенсивное развитие, обесценивалось, изображалось как незамысловатое, «не очень сложное», а их исторически сложившаяся городская среда — как несуразная. Раскритиковав Колывань, М. Никитин переключил свое внимание на город Кемерово, выросший из деревни Щегловка. Никитин так описал его историческую застройку: «Каменный клин городских кварталов врезался в деревенское чрево Щегловки» [Никитин, 1929, с. 149]. Обратил он внимание и на городской сад почти без деревьев, и на нелепое соседство прадедовских теремов с «особняками строго конструктивистского стиля». Однако Никитин высказал уверенность в том, что с индустриальным рас-

цветом Сибири зацветет и «условный» сад Кемерова, а исторические несуразности исчезнут [Там же].

С середины 1920-х годов «СО» отражали развитие историко-революционного нарратива, зачинателями которого были не профессиональные историки, а революционеры-очевидцы политических событий самой недавней истории. В это время русская революция и гражданская война воспринимались обществом уже преимущественно как история, поскольку считалось, что после гражданской войны началась новая эпоха. Так, революционеры и деятели периода гражданской войны становились для общества историческими личностями, чьи документальные рассказы воспринимались как подлинная история, которую необходимо фиксировать по горячим следам. Во многом благодаря стараниям основателя Сибистпарта (комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б) в Сибири) В. Д. Вегмана «СО» занялись «летописанием» революционного движения в Сибири. Первым поводом для рефлексии на эту тему стал 1925 год — 20-я годовщина первой русской революции. В этой связи «СО» предложили читателям публикации, основанные на воспоминаниях революционеров о соответствующих событиях в западносибирских городах [Вегман, 1925; Шемелев, 1926].

В подобных очерках этого времени заострялась тема отсталости западносибирских городов в канун революции. Однако эти произведения отражали авторское восприятие атмосферы конкретного города в 1905 году, показывали его собственное место в революционных событиях. В. Д. Вегман изобразил Новониколаевск «разбросанным поселком», «городом только по названию», где, однако, отмечались «первые признаки городской деловой жизни» [Вегман, 1925, с. 173]. В контексте истории революционного движения «деловитость» Новониколаевска преподносилась В. Д. Вегманом в дурном свете, как атмосфера, создававшаяся представителями враждебных классов. «Торгашам» и «косно» мыслящим крестьянско-обывательским элементам автор очерка противопоставил «пионеров рабочего движения в Новониколаевске» — рабочих-железнодорожников, строителей, тружеников мукомольных предприятий [Там же, с. 174]. Пространство города в очерке Вегмана было сегментировано в соответствии с ментальной картой памяти автора. Вокзальный район был представлен как революционный, а прочие — как районы «дельцов, темных личностей, пройдох» и безразличных к революции мешан. Автором отмечались особые памятные места, связанные с революционными событиями: Михайловская улица, по которой прошла первая в истории города первомайская демонстрация, угол Кузнецкой и Кабинетской, где состоялся разгон демонстрации казаками, и лес за рекой, которая называлась 2-я Ельцовка, — место тайных сходок революционеров. Вегман скромно оценил роль Новониколаевска

в революции, не преувеличивая его значения, но подчеркнул общее прогрессивное влияние революции на город, резко выросший в два последующих десятилетия.

Исторический портрет революционного Барнаула был представлен в очерке В. И. Шемелева: «глухой, уездный городок», живущий вдали от рельсовой колеи, слабо развитый в промышленном отношении, населенный служилым людом и кабинетскими чиновниками [Шемелев, 1926, с. 180]. Шемелев показал барнаульскую специфику развития революционного движения, описав вклад в революцию местных рабочих-пимокатов, учащихся, ориентированных на Томск — интеллектуальный центр региона, на интеллигенцию — старых народников, отбывавших ссылку в Сибири. Описал он и наиболее значимые местные события: демонстрации и черносотенный погром. Созданный им образ города, хотя и опирался на шаблон идеологического происхождения, все-таки выражал авторское ощущение старого Барнаула с его особой средой и атмосферой.

Иначе выглядели города Западной Сибири в произведениях авторов «СО» 1930-х годов. Образы городов, представленные в очерках, лишь намечались пунктирными линиями. М. С. Попов, П. Сайхин, Г. Шкилев — авторы этого десятилетия — описывали революционные события, происходившие в Новониколаевске и Томске, преподнося эти города посредством насыщенных описаний как эпицентры революционных событий [Попов, 1935; Сайхин, 1936; Шкилев, 1936]. При этом сами города лишались индивидуальных черт. Их можно было узнать лишь по указаниям на районы, улицы, адреса. Из краеведческих очерков ушла ностальгия и подлинная эмоциональность. Указанные авторы выражались языком революционеров-конспираторов, для которых настало время открыто называть прежде скрывавшиеся ими имена, явки, пароли. Это делало очерки, основанные на воспоминаниях, похожими на дачу показаний. Такая стилистика складывалась под воздействием испартовского подхода к записи воспоминаний очевидцев революционных событий, при котором мемуарист должен был делать акцент не на личных переживаниях, а на точной фиксации произошедшего, «писать кратко, без лишних комментариев и правдиво», говорить по существу, опускать детали, эмоции, рассуждения [Красильникова, 2015, с. 71]. Однако этот идеал имел все-таки мало общего с практикой. Мемуарная «правда» должна была соответствовать идеологическим стандартам. Так, опыт предыдущих исследований [Красильникова, 2015] позволяет нам сделать вывод о том, что на примере очерков, посвященных пребыванию в Томске молодого С. М. Кирова, заметен тенденциозный отбор имевшихся в неопубликованных мемуарах версий политических событий в пользу повышения значимости роли Кирова в революционном процессе.

В ряду публикаций «СО» 1930-х годов, посвященных истории западно-сибирских городов, обращает на себя внимание и стихотворение Г. Дорони-на о Новосибирске [Доронин, 1939]. Оно отражает развитие соцреалистического нарратива, служившего в этот период схемой описания прошлого советского города. Сориентировав читателя во времени и пространстве, автор переходил к последовательному изложению основных событий в истории города. Главными событиями ему представлялись победы в боях за город во время гражданской войны («Не за тебя ль в боях упорных мы бились в девятнадцатом году?»); восстановление города после разрухи усилиями победившей стороны («Потом по улицам лохматым, по пустырям встревоженной земли прошли с рулеткой и лопатой там, где вчера с винтовкой шли»); его социалистическая реконструкция и модернизация («Мы этажи зимой холодной вздымали к небу с песней трудовой»); становление города в качестве промышленного центра и рост его военно-стратегического значения в оборонном ключе («И вот, над Обью многоводной наш город встал как зоркий часовой»). Оценка значимости и смысла событий сопрягалась с прославлением гения Сталина, якобы благодаря которому расцветают советские города, а возвращение к настоящему времени сводилось к констатации полного благополучия советского Новосибирска — «нашего города — сына прекрасного великой, расцветающей земли» [Там же].

В период Великой Отечественной Войны резко заострились задачи социальной мобилизации, решавшиеся, в частности, посредством пропаганды патриотизма. В этих условиях пропаганда активно обращалась к героическим примерам прошлого, на которых воспитывались бойцы и труженики тыла. Круг этих примеров расширялся за счет героизации не только общенационального, но и локального прошлого. В 1943 году Новосибирску исполнилось 50 лет. По случаю этого юбилея в «СО» был опубликован очерк С. Кожевникова «Город на Оби» [Кожевников, 1944], представлявший собой расширенный вариант аналогичной публикации в массовой региональной газете «Советская Сибирь» [Кожевников, 1943]. Экстремальность военной ситуации подтолкнула литератора к преодолению нарратива предыдущего десятилетия, потенциал которого был недостаточен для создания эмоционального текста, нацеленного на стимуляцию сильных патриотических чувств читателей. Для описания истории Новосибирска им оказался востребован и краеведческий опыт более раннего времени. Говоря о предыстории города, Кожевников вернулся к героизации русских землепроходцев XVII века, а заодно с ними и всего русского народа, что было вообще присуще пропаганде военных лет: «Через вековую мглу смотрят на нас и строители первых сибирских городов, и защитники их от монгольских и джунгарских ханов, и первые дипломаты. Во всех их

делах мы видим величавые черты характера русского народа, дух вольностей, живой ум и широкий размах богатырской натуры» [Кожевников, 1944, с. 96]. Так же, как и авторы 1920—1930-х годов, Кожевников обобщал и очернял имперское прошлое Сибири: «Вслед за народом пришли в Сибирь царские воеводы и чиновники. Вольный путь землепроходцев они превратили в кандалный тракт» [Там же, с. 97]. Однако появление Новониколаевска — города, рожденного железной дорогой, — отразило, по версии С. Е. Кожевникова, начало нового этапа в истории Сибири. Показательно, что, характеризуя раннюю историю города, автор вернулся к уже известным нам старым краеведческим приемам: он практически отказался от мрачных красок в описании дореволюционного облика Новониколаевска («Новенький, словно сошедший с картинки поселок» [Там же, с. 98]), избрал лирично-сентиментальный тон для этого описания, максимально насытил его именами жителей поселка и характеристиками первопоселенцев, указаниями на постепенно открывавшиеся промышленные, торговые предприятия и учреждения культуры, мягко обошел вниманием тему гражданской войны в истории города, а также попытался показать историческую преемственность: «Потомки отважных русских землепроходцев поднимали новый русский город на берегах Оби ... Новый сибирский город был пришельцем из глубокой русской древности». Однако добавлялось: «Но в характере этого города не было ничего патриархального» [Там же, с. 99—100]. Одновременно С. Е. Кожевников не отказывался от использования нарративных приемов 1930-х годов: он показал современность Новосибирска, внешне уже не похожего на Новониколаевск («город-торговец, мясник и грузчик»), сделав акцент на многочисленных стройках периода индустриализации, определивших новый облик Новосибирска, переросшего свое прошлое («Через несколько лет деревянная чешуя будет снята с городских улиц» [Там же, с. 108]). Новосибирск современный в этом описании предстал передовым борцом за родину.

Наконец, стоит обратить внимание и на стихотворение Л. Кондырева о Томске, опубликованное в 1945 году [Кондырев, 1945]. Для описания дореволюционного прошлого города автор снова использовал нарративную схему 1930-х годов, однако дополнил мрачную картину («у Томского острога звон цепей, сермяжный труп на дрогах») флером таинственности («сумрак лекторий мозаичных»), ностальгии («цокот копыт по мостовой»), богатства и величия («город соболиный», «былинная красота») [Там же]. Во второй половине 1930-х годов на уровне публичной истории тема революционного движения в Томске оказалась практически полностью подчинена идеологической необходимости конструирования героического культа С. М. Кирова. Эта тенденция продолжилась и в 1940-х годах, что

отразило стихотворение Л. Кондырева. Весь революционный этап томской истории характеризовался им двумя предложениями: «Время прочь! Идет товарищ Киров по широким Томским площадям» [Там же]. Преемственность между прошлым героизмом русских революционеров и настоящим героизмом фронтовиков выражалась снова через образ С. М. Кирова. В версии стихотворения легендарное знамя, спасенное Кировым во время революционных событий, «к Берлину донесут потомки-томичи» [Там же].

4. Заключение

В 1920—1940-х годах популярный многотиражный журнал «СО» регулярно обращался к теме региональной истории, значимым аспектом которой была история городов Западной Сибири. О ней повествовали как публицистические, так и художественные произведения, в том числе поэтические. Хотя журнал имел установку на создание принципиально новых исторических нарративов и стремился к изменению смыслов старых исторических мифов, на авторские оценки исторического прошлого городов Западной Сибири изначально все-таки больше влияли традиции краеведения, сложившиеся в регионе еще до революции. В сущности сибирское краеведение первой четверти XX века, развивавшееся во многом под воздействием областничества, не было абсолютно аполитичным. Краеведы утверждали ценность всего уникального сибирского, что отвечало тенденциям роста регионального самосознания на том историческом этапе. Однако к концу 1920-х годов в Сибири, как и в стране в целом, начался процесс «разгрома» краеведения со стороны государства, стремившегося на уровне политики памяти к унификации региональных историй и сведению истории страны к единому нарративу. Именно поэтому контексты государственной политики памяти все отчетливее проявлялись в публикациях следующего десятилетия, а контексты краеведения исчезали.

Первый этап формирования журналом «СО» образов истории городов Западной Сибири мы ограничиваем серединой 1920-х годов. В это время журнал выступал еще в качестве своеобразной дискуссионной площадки: публиковались как ностальгические произведения, проникнутые духом «любования сибирской стариной», так и содержащие актуально-идеологические критические замечания в адрес такого подхода. Фактически краеведы еще имели возможность писать по-старому. Продолжившееся с дореволюционного периода краеведческое подчеркивание сибирской специфики истории лишь формально дотраивалось как прошлое городов региона, в новых советских условиях якобы переставшего быть периферией, каким он был в старой России. В середине 1920-х годов сибирским краеведам ничего еще не мешало воспевать особый колорит прошлого сибирских горо-

дов и просто любоваться «милой стариной» как эстетической ценностью, которую не отвергала страна советов. Авторам следовало лишь добавить мысль о перспективах дальнейшего развития сибирских городов в условиях новой политической системы. На протяжении всех двадцатых годов редакция журнала воздерживалась от выражения собственной позиции по вопросам изображения прошлого западносибирских городов, что оставляет поле для предположения о том, что для самих издателей было основной продвигаемой идеей, а что — оттеняющим ее контекстом противопоставления. Наши предыдущие исследования, посвященные другим аспектам истории мемориальной культуры Сибири (музеи, памятники, торжества), позволили обнаружить тенденции признания (в той или иной мере) на уровне политики памяти ценности местного прошлого, проявлявшиеся вплоть до конца 1920-х годов [Красильникова и др., 2020]. Настоящее же исследование дало возможность проследить постепенное нарастание тенденций негативизации дореволюционного прошлого региона практически с начала деятельности журнала, а именно с середины 1920-х годов. Это свидетельствует о том, что по сравнению со многими другими каналами трансляции политики памяти журнал «СО» быстрее реагировал на актуальные изменения в сфере государственной идеологии, однозначно подчиняясь этим изменениям.

На втором этапе, с конца 1920-х до начала 1940-х годов, редакционная политика «СО» отображает изменившуюся политику памяти в стране и, хоть и по-прежнему не артикулирует собственных руководящих предпочтений, сводит на нет всякую дискуссионность публикаций и сохраняет лишь один общий вектор репрезентации прошлого западносибирских городов в русле его встраивания в единственно ценную общесоюзную, революционно-героическую и социалистически победительную идеологию. Местной истории на этом этапе отводилась роль лишь все более обобщенных воспоминаний о мрачном, но ныне преодоленном прошлом. Образы истории западносибирских городов становились однотипными. Достопримечательность города виделась во взаимосвязи его истории с событиями масштабов страны, а не с локальными событиями и реалиями.

На третьем же этапе, в годы Великой Отечественной войны, авторы «СО» частично реабилитировали дореволюционное прошлое западносибирских городов через подчеркивание роли «великого русского народа» в истории освоения региона. Этот новый нарратив, явившийся продуктом синтеза краеведческого описания истории городов Западной Сибири в первой четверти XX века и опыта авторов 1930-х годов, подчеркивающих успехи социалистического строительства в Сибири, отражал, с одной стороны, требования государственной политики памяти, нацеленной на стимуляцию патриотизма и социальную мобилизацию, с другой — новый

подъем регионального самосознания, связанный с ростом городов Западной Сибири как промышленных центров, игравших свою незаменимую роль в борьбе за Победу.

Источники и принятые сокращения

1. *Болдырев В.* Столица Сибирского Края. Краткая история Новосибирска / В. Болдырев // Сибирские огни. — 1926. — № 5—6. — С. 167—176.
2. *Вегман В.* 1905 г. в Новониколаевске / В. Вегман // Сибирские огни. — 1925. — № 4—5. — С. 174—179.
3. *Вегман В.* Переименование Новониколаевска в Новосибирск / В. Вегман // Сибирские огни. — 1926. — № 3. — С. 234—235.
4. *Доронин Г.* Наш город : стихи / Г. Доронин // Сибирские огни. — 1939. — № 6. — С. 51.
5. *Кожевников С.* Город на Оби / С. Кожевников // Сибирские огни. — 1944. — № 4. — С. 94—111.
6. *Кожевников С.* Город на Оби / С. Кожевников // Советская Сибирь. — 1943. — 3 ноября.
7. *Кондырев Л.* Город на Томи / Л. Кондырев // Сибирские огни. — 1945. — № 6. — С. 105.
8. *Молчанов И.* Таежный город / И. Молчанов // Сибирские огни. — 1924. — № 3. — С. 99.
9. *Мягков И.* Предание о княжне Томи и Ушае / И. Мягков // Сибирские огни. — 1926. — № 3. — С. 158—164.
10. *Никитин М.* Кемерово : очерк / М. Никитин // Сибирские огни. — 1929. — № 4. — С. 149—164.
11. *Никитин М.* Переподготовка города / М. Никитин // Сибирские огни. — 1927. — № 5. — С. 185—189.
12. *Попов М. С.* М. Киров в Томске / М. С. Попов // Сибирские огни. — 1935. — № 6. — С. 105—116.
13. *Сайхин П.* Октябрьские дни в Новониколаевске : воспоминания / П. Сайхин // Сибирские огни. — 1936. — № 5. — С. 117—121.
14. *Сибирские огни.* Литературно-художественный и общественно-политический журнал. Указатель содержания. 1922—1964. — Новосибирск : Западно-Сибирское книжное издательство, 1967. — 431 с.
15. *Шемелев В. И.* Барнаул в 1905—06 гг. По личным воспоминаниям / В. И. Шемелев // Сибирские огни. — 1925. — № 4—5. — С. 180—200.
16. *Шкилев Г.* Товарищ Киров в Томске / Г. Шкилев // Сибирские огни. — 1936. — № 6. — С. 120—124.
16. *Югов А.* Кольвань / А. Югов // Сибирские огни. — 1927. — № 5. — С. 180—184.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алисов Д. А.* Культурные ландшафты советского города : сибирские города позднего социализма / Д. А. Алисов, О. В. Гефнер, Т. Н. Золотова, Н. Ф. Хилько. — Москва : Институт Наследия, 2019. — 98 с. — ISBN: 978-5-86443-273-0.
2. *Вениамин Вегман* : государственная, научная и общественная деятельность : сборник документов к 90-летию Сибархива / сост. Л. С. Пашенко и др. — Новосибирск : ООО «Альфа-Порте», 2010. — 447 с. — ISBN 978-5-91864-009-8: 483.
3. *Историческая энциклопедия Сибири* : в 3-х т. / главный редактор В. А. Ламин, ответственный редактор П. И. Клименко. — Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2010. — 783 с. — ISBN 5-8402-0248-7.

4. *Красильникова Е. И.* Политика памяти : исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции Сибирского региона в XX — начале XXI вв. / Е. И. Красильникова, И. А. Вальдман // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2020. — Т. 26. — № 1. — С. 47—54. — DOI: 10.18287/2542-0445-2020-26-1-47-54.
5. *Красильникова Е. И.* Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 — середина 1941 г.) / Е. И. Красильникова. — Новосибирск : Издательство Новосибирского государственного технического университета, 2015. — 572 с. — ISBN 978-5-7782-2762-0.
6. *Краткая литературная энциклопедия* : в 9 т. [Электронный ресурс]. — Москва : Советская Энциклопедия, 1962—1978. — Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp> (дата обращения 12.11.2020).
7. *Малолетко А. М.* Памяти Мягкова (1899—1891) / А. М. Малолетко, Л. А. Чиндина // Вопросы географии Сибири. — Томск : Томский государственный университет, 1993. — Выпуск 20. — С. 186—190.
8. *Миллер А. И.* Россия : власть и история / А. И. Миллер // Pro et Contra. — 2009. — Т. 13. — № 3—4. — С. 6—23.
9. *Новосибирск* : энциклопедия / [редколлегия : Ламин В. А. (гл. ред.) и др.]. — Новосибирск : Книжное издательство, 2003. — 1071 с. — ISBN 5-7620-0968-8.
10. *Общественно-политическая жизнь в Сибири в конце XXI — начало XX в.* : энциклопедический словарь / ответственный редактор М. В. Шиловский. — Новосибирск : Параллель, 2019. — 398 с. — ISBN 978-5-98901-237-4.
11. *Очерки русской литературы Сибири.* — Т. 2. Советский период / главный редактор А. П. Окладников. — Новосибирск : Наука : Сибирское отделение, 1982. — 627 с.
12. *Родигина Н. Н.* Журнал «Всемирная иллюстрация» и репрезентации Сибири на его страницах / Н. Н. Родигина // Гуманитарные науки в Сибири. — 2013. — № 1. — С. 76—80.
13. *Родигина Н. Н.* Тема Сибири в частных и официальных педагогических журналах второй половины XIX — начало XX в. / Н. Н. Родигина, Т. А. Кузнецова // Гуманитарные науки в Сибири. — 2011. — № 4. — С. 19—24.
14. *Рыженко В. Г.* Исторические парки «Россия — моя история» в локальном постсоветском пространстве (к проблеме трансляции памяти о местной истории) / В. Г. Рыженко // Омские научные чтения. материалы Третьей Всероссийской научной конференции. — Омск : Омский государственный университет, 2019а. — С. 281—283.
15. *Рыженко В. Г.* Фигуры и символы памяти о прошлом в локальном культурном пространстве Западной Сибири (конец XX — начало XXI в.) : ишимская версия / В. Г. Рыженко // Вестник Омского университета. Серия: исторические науки. — 2019б. — № 1. — С. 134—141. — DOI: 10.25513/2312-1300.2019.1.134-141.
16. *Синяев В.* Кировские строки : о письме С. М. Кирова сибирскому революционеру М. А. Попову в Томск / В. Синяев // Красное знамя. — Томск. — 1965. — 26 июня.
17. *Шиловский М. В.* Актуальные вопросы истории и современной практики исторического краеведения в Сибири / М. В. Шиловский // Земля тюменская. — 2004. — Выпуск 17. — С. 32—42.
18. *Яновский Н. Н.* Русские писатели Сибири XX века. Материалы к словарю / Н. Н. Яновский. — Новосибирск : Горница, 1997. — 190 с.
19. *Ярская-Смирнова Е. С.* Нарративный анализ в социологии / Е. С. Ярская-Смирнова // Социологический журнал. — 1997. — № 3. — С. 38—61.
20. *Memory* : A History. — Oxford : Oxford University Press, 2015. — 397 p.

21. Radstone S. Memory studies : For and against / S. Radstone // Memory studies. — 2008. — Vol. 1. — № 1. — Pp. 31—39. — DOI: 10.1177/1750698007083886.

22. Segesten A.-D. Memory studies : The state of an emergent field / A.-D. Segesten, J. Wüstenberg // Memory Studies. — 2017. — Vol. 10. — Issue 4. — Pp. 474—489. — DOI: 10.1177/1750698016655394.

23. Verovšek P. J. Collective memory, politics, and the influence of the past : the politics of memory as a research paradigm / P. J. Verovšek // Politics, Groups, and Identities. — 2016. — Vol. 4, Is. 3. — Pp. 529—543. — DOI: 10.1080/21565503.2016.1167094.

MATERIAL RESOURCES

Boldyrev, V. (1926). The capital of the Siberian Region. Brief history of Novosibirsk. *Siberian lights*, 5—6: 167—176. (In Russ).

Doronin, G. (1939). Our city: poems. *Siberian lights*, 6: 51. (In Russ).

Kozhevnikov, S. (1943). City on the Ob River. *Soviet Siberia. November 3*. (In Russ).

Kozhevnikov, S. (1944). City on the Ob River. *Siberian lights*, 4: 94—111. (In Russ).

Kondyrev, L. (1945). City on Tomi. *Siberian lights*, 6: 105. (In Russ).

Molchanov, I. (1924). Taiga city. *Siberian lights*, 3: 99. (In Russ).

Myagkov, I. (1926). The legend of Princess Tomi and Ushai. *Siberian Lights*, 3: 158—164. (In Russ).

Nikitin, M. (1927). Retraining of the city. *Siberian lights*, 5: 185—189. (In Russ).

Nikitin, M. (1929). Kemerovo: essay. *Siberian lights*, 4: 149—164. (In Russ).

Popov, M. S. (1935). M. Kirov in Tomsk. *Siberian lights*, 6: 105—116. (In Russ).

Saikhin, P. (1936). October days in Novonikolaevsk: memoirs. *Siberian Lights*, 5: 117—121. (In Russ).

Siberian lights. Literary-artistic and socio-political magazine. Content index. 1922—1964. (1967). Novosibirsk: West Siberian Book Publishing House. 431 p. (In Russ).

Shemelev, V. I. (1925). Barnaul in 1905—06. According to personal memoirs. *Siberian lights*, 4—5: 180—200. (In Russ).

Shkilev, G. (1936). Comrade Kirov in Tomsk. *Siberian lights*, 6: 120—124. (In Russ).

Yugov, A. (1927). Kolyvan. *Siberian lights*, 5: 180—184. (In Russ).

Wegman, V. (1925). 1905 in Novonikolaevsk. *Siberian lights*, 4—5: 174—179. (In Russ).

Wegman, V. (1926). Renaming Novonikolaevsk to Novosibirsk. *Siberian lights*, 3: 234—235. (In Russ).

REFERENCES

Alisov, D. A., Gefner, O. V., Zolotova, T. N., Khilko, N. F. (2019). *Cultural landscapes of the Soviet city: Siberian cities of late socialism*. Moscow: Institute of Heritage. 98 p. ISBN: 978-5-86443-273-0. (In Russ).

Brief literary encyclopedia: in 9 vols. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1962—1978. Available at: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp> (accessed 12.11.2020). (In Russ).

Essays of Russian literature in Siberia: in 2 vols. The Soviet period. (1982). Novosibirsk: The science: Siberian branch. 627 p. (In Russ).

Historical Encyclopedia of Siberia: in 3 volumes. (2010). Novosibirsk: Historical heritage of Siberia. 783 p. ISBN 5-8402-0248-7. (In Russ).

Krasilnikova, E. I., Waldman, I. A. (2020). Politics of memory: historical symbols and commemorative practices in the system of socio-political self-regulation of the Si-

- berian region in the XX-early XXI centuries. *Bulletin of the Samara University. History, pedagogy, philology*, 26 (1): 47—54. DOI: 10.18287/2542-0445-2020-26-1-47-54. (In Russ).
- Krasilnikova, E. I. (2015). *To remember it is impossible to forget? Memorable places and commemorative practices in the cities of Western Siberia (late 1919 — Mid-1941)*. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University Press. 572 p. ISBN 978-5-7782-2762-0. (In Russ).
- Maloletko, A. M., Chindina, L. A. (1993). In memory of Myagkov (1899—1891). *Questions of the geography of Siberia*, 20. Tomsk: Tomsk State University. 186—190. (In Russ).
- Memory: A History*. (2015). Oxford: Oxford University Press. 397 p.
- Miller, A. I. (2009). Russia: power and history. *ProetContra*, 13 (3—4): 6—23. (In Russ).
- Novosibirsk: encyclopedia*. (2003). Novosibirsk: publishing house. 1071. ISBN 5-7620-0968-8. (In Russ).
- Radstone, S. (2008). Memory studies: For and against. *Memory studies*, 1 (1): 31—39. DOI: 10.1177/1750698007083886.
- Rodigina, N. N. (2013). Journal “World Illustration” and representations of Siberia on its pages. *Humanities in Siberia*, 1: 76—80. (In Russ).
- Rodigina, N. N., Kuznetsova, T. A. (2011). Theme of Siberia in private and official pedagogical journals of the second half of the XIX — beginning of the XX century. *Humanities in Siberia*, 4: 19—24. (In Russ).
- Ryzhenko, V. G. (2019). Historical parks “Russia — my history” in the local post-Soviet space (on the problem of translation of memory about local history). In: *Omsk Scientific Readings. materials of the Third All-Russian Scientific Conference*. Omsk: Omsk State University. 281—283. (In Russ).
- Ryzhenko, V. G. (2019). Figures and symbols of memory of the past in the local cultural space of Western Siberia (late XX — early XXI century): Ishim version. *Bulletin of the Omsk University. Series: historical Sciences*, 1: 134—141. DOI: 10.25513/2312-1300.2019.1.134-141. (In Russ).
- Segesten, A.-D., Wüstenberg, J. (2017). Memory studies: The state of an emergent field. *Memory Studies*, 10 (4): 474—489. DOI: 10.1177/1750698016655394.
- Shilovsky, M. V. (2004). Actual issues of history and modern practice of historical local lore in Siberia. *Tyumen Land*, 17: 32—42. (In Russ).
- Sinyaev, V. (1965). Kirov lines: about the letter of S. M. Kirov to the Siberian revolutionary M. A. Popov in Tomsk. In: *Red Banner*. Tomsk. June 26. (In Russ).
- Social and political life in Siberia at the end of the twenty — beginning of XX century: encyclopedia*. (2019). Novosibirsk: Parallel. 398 p. ISBN 978-5-98901-237-4. (In Russ).
- Yanovsky, N. N. (1997). *Russian writers of Siberia of the XX century. Materials for the dictionary*. Novosibirsk: Gornitsa. 190 p. (In Russ).
- Yarskaya-Smirnova, E. S. (1997). Narrative analysis in sociology. *Sociological Journal*, 3: 38—61. (In Russ).
- Veniamin Wegman: state, scientific and public activities: collection of documents for the 90th anniversary of the Sibarchiv*. (2010). Novosibirsk: LLC “Alfa-Port”. 447 p. ISBN 978-5-91864-009-8: 483. (In Russ).
- Verovšek, P. J. (2016). Collective memory, politics, and the influence of the past: the politics of memory as a research paradigm. *Politics, Groups, and Identities*, 4 (3): 529—543. DOI: 10.1080/21565503.2016.1167094.